

УДК 808.2-73:378.016

**РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ, ОСНОВЫВАЮЩИЕСЯ
НА ОЛИЦЕТВОРЕНИИ ФИТОНИМОВ****О. И. Ревуцкий**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка
УО «Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина», Мозырь, РБ

В статье исследуются русские поэтические тексты, в основу которых положен прием олицетворения фитонимов, т. е. наименований растений. Выявляется состав слов, которые включаются в зону отправления и в зону прибытия метафор-олицетворений. Устанавливаются метафорические звенья, образующие смысловое ядро текстов, и такие, которые являются побочными, развертывающими главные смыслы. Описываются основные текстотипы, основывающиеся на единичности, парности и множественности объектов из зоны отправления.

Ключевые слова: олицетворение, фитоним, текст-троп, зона отправления, зона прибытия, текстообразующая метафора, частные метафоры, текстотип, фрагменты сценариев, соматизмы, наименования одежды.

Введение

Среди поэтических текстов, в основу которых положен троп олицетворение, наиболее распространены такие, в которых человеческими качествами наделяются наименования растений, или фитонимы. Образно-символическое осмысление таких слов восходит к глубокой древности. Они встречаются как в фольклоре, так и в литературных источниках. Достаточно сказать, что фитонимические метафоры очень часто встречаются в литературе религиозного характера. Показательно, что в эпоху мифологического мышления дерево понималось как своеобразная модель вселенной: ветви дерева символизировали мир небесный, ствол – мир земной, а корни – мир подземный или подводный.

Глубокие древние традиции метафорического осмысления названий растений не случайны, поскольку жизнь большей части населения Земли проходила в постоянном окружении растений, которые давали человеку материал для постройки жилищ, изготовления орудий труда, служили важным источником питания, использовались для изготовления лечебных средств и для многого другого. Помимо этого, контакты с растениями издавна влияли на формирование духовного мира человека. Представители растительного мира, главным образом деревья, являлись предметами поклонения, использовались в магических ритуалах. С ними было связано множество поверий, преданий, мифов. Древние люди не без оснований считали, что деревья обладают душой. Такое понимание подсказывалось интуицией. С древнейшей поры пришло осознание того, что развитие человечества, включая его отдельных индивидуумов, и развитие представителей растительного мира подчиняется единым космическим законам. В древних повериях говорится о том, что человек, родившийся под определенным знаком зодиака, имеет свое конкретное дерево-покровитель.

Результаты исследования и их обсуждение

Сформировавшееся в настоящее время антропно-метафорическое поле фитонимов включает в себя слова нескольких тематических групп. Это в основном обозначения деревьев, кустарниковых растений, трав, грибов и др. Наиболее частыми являются примеры персонификации названий деревьев. Это нельзя считать случайным в связи с тем, что, помимо родового понятия "дерева", многие наименования видов деревьев являются в русской культуре сильными концептами: береза, дуб, рябина, калина, черемуха и др. Можно указать и на то, что некоторые из наименований деревьев занимают важное положение в языковой картине мира отдельных авторов, например, береза у С. Есенина, рябина у М. Цветаевой, черемуха у Б. Ахмадулиной. В русской литературе и фольклоре за некоторыми названиями деревьев

закрепились устойчивые антропные ассоциации, например, береза, рябина, калина – молодая девушка; дуб – богатырь, патриарх и т. д. В метафорический процесс вовлекаются также наименования пород деревьев, цветов, плодов и т. п.

Антропные метафоры, образованные от фитонимов, очень часто выступают в качестве текстообразующих. В составе тропеически организованных текстов могут объединяться метафоры, принадлежащие к разным лексико-тематическим группам. При этом одно или более наименований, как правило, оказываются доминирующими.

Круг приписываемых растениям человеческих признаков весьма широк. Так, разные растения, в особенности деревья, могут характеризоваться с точки зрения внешних черт, телодвижений, жестов, речи, способности издавать возгласы, стонать, плакать, смеяться. Кроме того, деревья часто характеризуются как существа, испытывающие определенные состояния, например, сна, дремоты, способности зрительного и слухового восприятия, а также к проявлению чувств, переживаний.

То или иное направление в осмыслении растений стимулирует определенный характер метафоричности. Например, придание деревьям черт человеческой внешности обуславливает употребление в тексте соматизмов, а также слов, принадлежащих к лексико-тематическим группам "одежда", "обувь", "головные уборы", "виды причесок", "виды украшений". При этом деревья разных пород оказываются "одетыми" неодинаково, например, березки – в платья, сарафаны, ели и кедры – в шубы, тулупы. Такие человеческие "одеяния" соответствуют внешнему виду дерева и определенной поре года. Обыгрывание внешнего подобия растения человеку может вести и к привлечению из зоны метафорической экспансии названий артефактов, например, украшений (сережки у берез), видов холодного оружия (колочки – кинжалы, сабли), бытовых предметов (монеты – круглые листья, свечи – побеги растений: ср.: сосны цветут, свечи огня спрятав в ладошки будущих шишек... Б. Ахмадулина). Сходные черты во внешности людей и растений и общность в строении растительных и человеческих организмов может стимулировать появление метафор из сферы органистической лексики, например, вены, артерии, сосуды, слезы, кровь: ср. Я помню, ранило березу / осколком бомбы на заре. / Зеленый сок бежал, как слезы, по изувеченной коре... Л. Татьяничева.

Привлечение в сферу метафоричности наименований человеческих жестов и телодвижений, как правило, имеет реальную основу в движении самих растений под влиянием ветра. Это качание ветвей, стволы, опадание листвы и т. п. Изображение растений как подобных человеку часто выливается в приписывание им способности говорить, петь, плакать и т. п. Реальная основа такого уподобления заключается в производимых деревьями звучаниях: шорох, шум, треск и т. п. Однако "речь" деревьев в тексте может и не опираться на их реальное звучание. В таких случаях в метафоричном поле текста образуются "пустые" звенья, когда метафоричное слово относится исключительно к плану человеческого.

Растения, главным образом деревья, в художественных текстах часто наделяются способностью выражать человеческие чувства, радоваться, печалиться и т. п. Реальная основа такого рода метафоричности часто оказывается трудно уловимой. Так, например, склоненные ветви дерева могут ассоциироваться с печалью (ср. плакучие ивы).

В текстах, основанных на олицетворении фитонимов, часто передаются черты не только одного человеческого существа, но и человеческие отношения, в частности, дружеской поддержки, взаимопомощи, заботы друг о друге, любви, реже – непонимания, противоборства, несогласия. В лирических текстах нередко моделируются и фрагменты сценариев человеческого поведения, например, свадьбы, новоселья, коллективного труда, путешествия и т. д. Функциональные типы текстов рассматриваемой серии достаточно разнообразны. Здесь можно найти примеры описания, повествования и рассуждения. При этом данные типы речи в одних и тех же текстах могут объединяться. Для текстов с персонификацией фитонимов очень показательна эготивность, т. е. выраженность лирического Я-субъекта.

Между тропеическими и другими характеристиками рассматриваемых текстов существует определенного рода координация, что будет показано ниже. В качестве основных типологических признаков мы рассматриваем такие, как: 1) экстралингвистическая основа зоны прибытия (человеческие существа); 2) экстралингвистическая основа зоны отправления: виды и признаки растений. Устанавливаются также возможные устойчивые ассоциации по линии

"растения – человеческое существо" и соответствующие им прецедентные тексты; 3) количество метафорических фокусов и средств развертывания метафор и средств их выражения, характер создаваемых на основе олицетворения образов; 4) особенности стиля и композиции текстов; 5) характер координации разных признаков с точки зрения выражения определенных текстотипов.

Группировка текстового материала проводится на основе наличия определенного числа метафорических фокусов. В первый из текстотипов включаем тексты с одним фокусом, являющимся средством выражения фитонима-псевдолица. Такие тексты чрезвычайно распространены и встречаются как в поэзии XX века, так и в более ранние периоды. Их мы находим у С. Есенина, М. Цветаевой, Л. Татьяничевой, Б. Ахмадулиной, С. Острового, Н. Тихонова, Б. Васильева, А. Вознесенского, В. Цыбина и многих других авторов. Их примета – это обозначение словом-фитонимом одной основной темы и символизация им свойств и признаков одного человеческого существа.

Основным жанром, выражающим метафоричность этого рода, является пейзажная зарисовка. Дерево или какое-либо другое растение изображается на фоне окружающей природы и часто оказывается приуроченным к определенному времени суток (утро, день, вечер), как, например, в стихотворении С. Есенина "Рассвет". Для подобных текстов, помимо метафор-соматизмов, характерно употребление других локальных тропов, указывающих на цвет, совмещение разных представлений (синестезию), объединение противоположностей (оксюморон). В этом плане показателен текст М. Тихонова "Жемчужных птичек перья...". Центральный персонаж данного стихотворения – дерево, которое предстает как разбуженное, имеющее большие плечи (его большие плечи поднялись, распрямясь), готовое заговорить (светилось и смеялось, как человек стоит, / нам издали казалось:/ вот-вот заговорит), способное радоваться (стоит с баньяном в паре, / от радости дрожа), дающее миру тепло и свет (на целый день дал света, на целый день тепла).

Яркие примеры богатого и разнообразного использования метафоричности представлены в текстах С. Ботвинника "Береза у нашего дома", Н. Матвеевой "Цветок багульника" и "Цветы". В стихотворении "Цветы" олицетворение опирается на данные биологической науки, а затем переходит в яркий синкретичный образ: Всяк цветок, – нам говорит наука, – / Чует фальш, тоску, дурной азарт, / Ищет в песне родственного звука, / Морщась болью в грохоте поп-арт. Цветы способны радоваться, испытывать душевную боль и другие тонкие человеческие чувства.

Помимо текстов, центральная тема которых исчерпывается олицетворением какого-либо одного растения, в современной русской поэзии весьма распространен текстотип, характеризующийся наличием двух информативных центров. Один из таких центров составляет тема подвергающегося олицетворению растения. Второй информативный центр составляет какой-либо элемент окружения дерева. В качестве второго информативного центра нередко выступает обозначение лирического Я-субъекта. Очень часто в роли метафорических фокусов стихотворения используются наименования двух деревьев. Так, например, в стихотворении Э. Осадова "Сон в вешнюю ночь" деревья (тополь и верба) изображаются как обнимающиеся и шепчущиеся между собой. В группе текстов-олицетворений, организованных по парному принципу, имеются и такие, в которых моделируются отношения несходства внешности и характера. Так, в стихотворении М. Матвеевой "Две березы" моделируется внешность, поза, расцветка и многое другое. Описание внешности берез переходит в олицетворение, связанное с приписыванием березам особенностей поведения людей: Вся в яблоках одна, как конь, живущий в холе, / Другая вся в рубцах, как мученик святой...

Распространенный тип усложнения метафоричности представлен текстами с множествами метафорических звеньев и соответствующих им фокусов. В таких текстах множествам деревьев приписываются признаки человеческих коллективов. В зону отправления текстовых метафор могут включаться такие слова, как лес, бор, парк, роща и т. п., а в зону прибытия – слова армия, войско, отряд, табор, труппа и др. Ассоциация подобия распространяется и на существующие внутри множеств отношения между их объектами. Например, различия между отдельными растениями по размеру, высоте, пространственному расположению выступают в качестве отправных моментов для придания растениям

человеческих характеристик несходства по характеру, социальному положению, силе и здоровью и др. В текстах рассматриваемой серии также можно найти фрагменты, типичные для олицетворения фитонимов фреймов и сценариев: противостояние стихиям, взаимовыручка, участие в ритуальных действиях, связанных с созданием семьи, новосельем, с трудовой деятельностью, со сменой поколений и т. д. В структуре текстообразующего тропа могут обыгрываться признаки как отдельных включающихся в множество объектов, так и всех множеств в целом. Примером, где основное внимание автора направляется на отдельные объекты, является стихотворение С. Ботвинника "Собирание грибов", в котором грибам придаются контрастные человеческие характеристики. Белый гриб характеризуется в соответствии со сложившимся представлением о нем, как о богатыре, отличающемся крепостью и здоровьем. Такому представлению соответствует поведение собирателя: "Перед белым грибом становлюсь на колени: До чего ж ты хорош, здоровяк-боровик!" Другие грибы также получают образно-метафорические характеристики: "Сыроежек ничтожных большое количество. Всюду трусость груздей, мухоморов лихачество".

Основой метафоричности текста Б. Окуджавы "Лесок по дороге в Бузулук" является вид множества деревьев, которые вызывают впечатление причудливости и хаотичности. В результате этого данный лес приравнивается к армии леших, потерпевшей поражение, а затем – к группе артистов после провала выступления. Здесь находит выражение и метафоричность локального уровня: вид отдельных деревьев порождает представление о седом командире, безумном ординарце, безобразном денщике.

Ярким представителем рассматриваемого текстотипа является текст С. Острового "Разные деревья", в котором намеренно подчеркивается подобие множества деревьев человеческому сообществу как бы в оправдание того, что автор долгое время живет в лесу. Деревья выступают здесь как носители разных черт человеческих характеров, например, одни деревья находятся в тени, а другие любят быть на виду. Дуб и березка изображаются как пара влюбленных. Вид одного из деревьев дает основание для выражения качеств завистника: "А это кто глядит чернее ночи, / все норовит схватить своего соседа. / Сам махонький, плюгавенький, невзрачный. / Он, говорят, от зависти так высох". Две елки описываются как несходные по характеру подружки (Одна из них шершава, узловата. Другая – гладкокожа, как игла). Представлена в тексте и ситуация падения старого дерева и рождения нового: "Вчера в лесу, когда деревья спали, скончался клен, а рядом вдруг засветился пламенем зеленым поднявшийся над травами дубок". Таким образом, в этом стихотворении оказываются "собранными" наиболее характерные для олицетворения деревьев направления.

К рассматриваемому текстотипу относятся и такие стихотворения, как "Мой лес" С. Острового, "Листопад" Н. Тихонова и "Сказ о березе" Л. Татьяничевой. В последнем моделируется сценарий путешествия и одновременно соревнования, в котором победителем оказывается березка, обогнавшая все другие деревья в своем продвижении на север: "И только хрупкая береза, / Как ночь полярная, бела, / Презрев напасти и угрозы, / На север медленно брела". В данном тексте можно усмотреть влияние традиционного сказочного сюжета о богатыре, сила и удаль которого скрываются за неказистой внешностью.

Выводы

Подводя итог сказанному, можно отметить, что тексты русской поэзии, основывающиеся на олицетворении фитонимов, отличаются исключительно большим разнообразием способов и направлений выражения олицетворения, что выражается в большом тематическом разнообразии наименований из зоны отправления и обилием направлений метафорического осмысления. Усложнение метафоричности в подобных текстах часто связывается с умножением тропических звеньев по парному принципу, что связано с моделированием человеческих отношений дружбы, родства, любви и т.п. Другой способ такого умножения связан с использованием трех и более звеньев, что связано с метафорическим моделированием разных ситуаций человеческого поведения и с установлением подобия людей и растений по внешним признакам. Антропная метафоричность целых текстов часто осложняется употреблением метафор локального плана, которые вносят дополнительные ассоциации в выражаемое в подобных текстах целостно-образное содержание.

Літаратура

1. Иванюк, Б. П. Стихотворение-троп как тип художественного целого (на материале произведений Ф. И. Тютчева) : дис. ... канд. филол. наук. / Б. П. Иванюк. – Донецк, 1988. – 186 л.
2. Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове на матэрыяле субстантываў. – Минск : БДПУ, 2007. – 190 с.

RUSSION POETIC TEXTS BASED ON THE PERSONIFICATION OF PHYNONIMS

O. I. Revutsky

EE "Mozyrsky State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin", Mozyr, RB

The article is a study of Russian poetic texts that are based on personification of phytonyms. The focus of the research work is the analysis of the words that comprise the area of departure of personifying metaphors. Metaphorical elements are discovered and described according to the degree of their importance in the texts: nuclear as main elements and secondary, that help to develop basic associations. Much attention is paid to the description of main textual types, that are based on singleness, twoness and plurality of the objects from the area of departure.

Key words: personification, a phytonym, a trope, a text-trope, an area of departure, an area of arrival, a metaphor in the function of text formation, a textual type, fragments of a frame, a somatism, names of clothing.

Поступила в редакцию 10.07.14

МГПУ ИМ. И.П.ШАМЯКІНА